

Научная статья

УДК 81.373.47

5.9.5 Русский язык.

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-4-51-60>

ЭПИТЕТАЦИЯ ЗВУКА В ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Сергей Анатольевич Губанов

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Самара, Россия

gubanov5@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению эпитетации звука в текстах М. Цветаевой. Творчество поэта пронизано звуком, это одно из базовых понятий, подвергающихся авторской рефлексии. Рассматриваемый концепт занимает одно из центральных мест в творчестве М. Цветаевой: поэт вслушивается в мир, чтобы точнее передать смысл бытия, слух – основа поэзии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения эпитетации с новых, когнитивных позиций. Цель исследования заключается в описании когнитивно-семантического характера эпитетации звука в текстах М. Цветаевой и выявлении основных направлений метафоризации данного понятия средствами признаковой лексики. В работе предпринята попытка показать, что эпитетация является одним из главных механизмов вербализации смысла в текстах поэта. Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринята попытка анализа эпитетации с позиции теории концептуальной интеграции на материале творчества М. Цветаевой. В результате проделанной работы с опорой на когнитивно-семантический метод анализа языкового материала удалось выявить специфику вербализации звука в идиостиле поэта как пятой стихии, смыслового центра бытия. Исследование показывает, что творчество М. Цветаевой обладает богатым материалом для наблюдения над когнитивными механизмами эпитетации. В качестве выводов отмечается, что в теоретическом и практическом плане исследование внесет вклад в разработку когнитивной теории эпитетации и когнитивного цветаеведения.

Ключевые слова: эпитет, эпитетация, эпитетный комплекс, концепт «звук», когнитивная семантика, Марина Цветаева, идиостиль

Для цитирования: Губанов С.А. Эпитетация звука в текстах М. Цветаевой // Лингвистика и образование. 2025. Том 5. №4. С. 51-60. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-4-51-60>

Original article

EPITHETATION OF SOUND IN THE M. TSVETAEVA'S TEXTS

Sergey A. Gubanov

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russia

gubanov5@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the epithetation of the concept "sound" in the M. Tsvetaeva's texts. The poet's work is permeated with sound, this is one of the basic concepts subject to the author's reflection. The concept under consideration occupies one of the central places in the M. Tsvetaeva's creativity: the poet listens to the world in order to more accurately convey the meaning of being, hearing is the basis of poetry. The relevance of the research is due to the need to study epithetation from new, cognitive positions. The purpose of the study is to describe the blending nature of the epithetation of the concept of "sound" in the M. Tsvetaeva's texts and to

identify the main directions of metaphorization of this concept by means of attributive vocabulary. The researcher has made an attempt to show that epithetation is one of the main mechanisms for verbalizing meaning in the poet's texts. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time an attempt was made to analyze epithetation from the standpoint of the theory of conceptual integration using the material of M. Tsvetaeva's creativity. As a result of the research, based on the cognitive-semantic method of analysis the linguistic material, it was possible to identify the specifics of verbalization of sound attributes in the poet's idiom as the fifth element, the semantic center of being. The research shows that M. Tsvetaeva's texts provide rich material for observing the cognitive mechanisms of epithetation. In the final part noted that, theoretically and practically, this research will contribute to the development of the cognitive theory of epithetation and cognitive research of M. Tsvetaeva's creativity.

Keywords: epithet, epithetation, epithet complex, concept "sound", cognitive semantics, Marina Tsvetaeva, idiom

For citation: Gubanov S. A. Epithetation of sound in the M. Tsvetaeva's texts, Linguistics & education, 2025. Vol. 5. No. 4. Pp. 51-60. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-4-51-60>

Введение

Антропоцентричность современной парадигмы языкоznания связана с переориентацией изучения языка как формы, безликой системы, на понимание связи языковых и мыслительных процессов, инициатором которых неизменно выступает субъект. Когнитивные основания метафоризации, метонимизации, сравнения привели к важным выводам относительно не только их функционирования, но и причин возникновения. Эпитетология, исследующая эпитетацию с когнитивных позиций, также встраивается в этот процесс, создавая свой терминологический аппарат и оперируя новыми, эвристически насыщенными понятиями.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения эпитетации с когнитивно-семантических позиций. Материалом для такого подхода может служить как речевая деятельность в целом, так и идиома писателя. Нам представляется, что одним из когнитивно насыщенных с позиций векторов атрибутизации явлений выступает идиома М. Цветаевой.

Целью исследования выступает описание специфики когнитивных процессов эпитетации в текстах М. Цветаевой. Предметом анализа является признаковая лексика текстов поэта, описывающая имя концепта «звук» (анализируются лексемы звук, звон), а также фрагменты звуковой метафоры в текстах М. Цветаевой с целью выявить специфику двунаправленной эпитетации звука как сферы-источника и как сферы-цели в процессе метафоризации.

Теоретические основы исследуемой проблемы

Эпитетная лексика традиционно рассматривается в качестве стилистического средства, способного вербализовать различные типы признаковых коннотативных значений, актуализируемых автором текста и связываемых им с тем или иным объектом эпитетации; среди них чаще всего называются такие коннотации, как эмотивность, экспрессивность, интенсивность и другие. Эпитет рассматривается в составе эпитетного комплекса, единства признакового слова и определяемого [1]. В последнее время особенно часто обращается внимание на неоднородность и разнообразие средств вербализации эпитетности. Признавая за именем прилагательным

ведущую роль как выразителя эпитета, исследователи при широком понимании художественного определения относят к эпитетной лексике практически все лексические единицы, имеющие в своем семантическом составе признак [1; 2]. В данной работе с опорой на идиолект М. Цветаевой широкий взгляд на природу эпитета находит свое подтверждение за счет большого числа окказиональных или потенциальных эпитетных структур.

Эпитет понимается в качестве части эпитетного комплекса, единства объекта эпитетации и его определения (эпитета). Данное единство возможно благодаря сближению двух ментальных пространств указанных частей эпитетного комплекса, сферы-источника и сферы-цели. Лексическая единица признаковой семантики представлена в большей степени именем прилагательным (эпитеты других частей речи, например, наречий, причастий, деепричастий, числительных, местоимений, субстантивов, также рассматривались) и в силу своей семантики способна гибко реагировать на когнитивную природу определяемого слова [2].

Научные работы, посвященные когнитивным основам речевой деятельности [3; 4; 5; 6], теории концептуальной интеграции (блэндинга) [7; 8; 9], признаются нами в качестве теоретической базы для обоснования когнитивного характера эпитетации.

Исследования Ю.Д. Апресяна свидетельствуют о том, что эпитетация также является предметом изучения теории регулярной многозначности; имена прилагательные наиболее эластичны и гибки при семантических видоизменениях, поэтому на их примере наглядно прослеживаются многие процессы трансформации в значении эпитетного комплекса (ученый выделяет типы значений прилагательных и описывает механизм их образования: *X' – ' свойственный X-овому человеку' или 'выражающий свойство X': мудрый человек – мудрые слова; робкий человек – робкий вопрос*) [3].

Теория концептуальной интеграции поэтапно описывает процесс категоризации знания, что представляется ценным для уяснения механизмов эпитетации. Согласно данной концепции, в процессе образного моделирования реалии происходит наложение двух ментальных пространств реалий (блэндинг), между которыми устанавливается временная ситуативная связь на основании формирования общего ментального пространства, которое затем становится смешанным, содержащим черты обеих областей [7; 8]. Смешанное пространство (blended spaces) или блэнд (blend) является одним из результатов категоризации новых признаков реалии, приписываемых ей или возникших в результате переструктурирования одного домена (метонимический эпитет, возникающий в рамках общего смежного домена для признака и определяемого: *ревнивая рука*) [9].

Эпитетный комплекс представляет собой когнитивно-семантическое образование (ментально-вербальное), по своей структуре состоящее из двух ментальных сфер (сферы-цели и сферы-источника), которые овнешняются соответственно номинацией объекта характеризации и признаком словом. Общую структуру модели когнитивной метафоры, репрезентирующей ее ментальные пространства, в рамках которых происходит концептуализация

явлений средствами эпитетных комплексов, можно представить следующим образом (рис. 1).

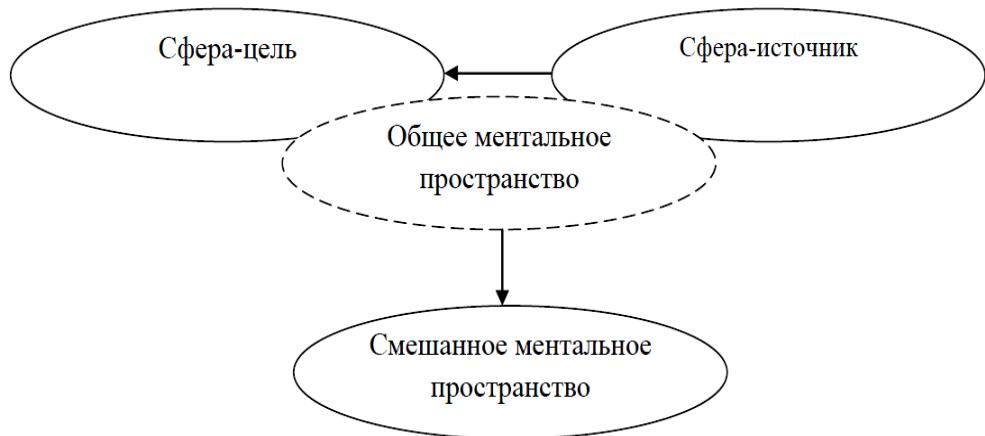

Рис. 1. Структура модели когнитивной метафоры в соответствии с теорией блэндинга

Изучение процесса и механизмов формирования значений эпитетных слов с опорой на теорию блэндинга признается в работе перспективным направлением, которое способствует значительному приращению нового знания относительно природы атрибутизации, предикации, эпитетации. Пластиность семантики адъективных слов выступает важным условием для «запуска» блэндинга [10].

Специфика идиолекта М. Цветаевой

Ставшие уже классическими труды Л.В. Зубовой и О.Г. Ревзиной содержат обстоятельный анализ текстов поэта; обращается внимание на особый, окказионально ориентированный стиль текстов М. Цветаевой, обусловленный экспрессивностью, субъектоцентричностью ее творческой личности [11; 12].

Как показала О.Г. Ревзина, атрибутивные конструкции занимают значительное место в языке М. Цветаевой. Среди них встречаются как нормативные, общеупотребительные, так и окказиональные [12]. Окказиональное слово становится в идиостиле М. Цветаевой органичным элементом, поскольку порождается потребностью автора в выражении необходимого ему смысла. Напряженная работа поэта, связанная с поиском нужного слова, эпитета, превращается в сложный когнитивный процесс, построенный на различных основаниях от сближения слов фонетически, и как следствие – семантически, апелляции к внутренней форме лексемы, игры со смыслами, антонимизацией значения и т.д.

Роли концепта звук и смежным понятиям (*колокольный звук, музыка*) в творчестве М. Цветаевой неоднократно уделялось внимание в различных публикациях [13; 14; 15; 16; 17; 18]. В них подчеркивается значимость для поэта звуковой стороны слова, которая выступает порой основной в процессе номинации.

Материал и методика исследования

Материалом исследования послужило полное собрание сочинений М. Цветаевой [19], а также словарь поэтического языка Марины Цветаевой [20].

Методика проведенного исследования включает в себя следующие операции: сплошную выборку признаковых конструкций, содержащих объект эпитетации лексемы *звук / звон*, эпитетных комплексов с эпитетами *звонкий, звучный*, а также звуковых признаковых метафор; подсчет указанных типов эпитетных конструкций; классификацию метафорических и метонимических эпитетных комплексов по типам направления переноса признака; когнитивно-семантическое описание процесса эпитетации.

Основные результаты исследования

Звук как философская категория неизменно осмысляется поэтом, что находит отражение в его прозе: *Все мое писанье – вслушиванье. Отсюда, чтобы писать дальше – постоянные перечитыванья. Не перечтя по крайней мере двадцать строк, не напишу ни одной. Точно мне с самого начала дана вся вещь – некая мелодическая или ритмическая картина ее – точно вещь, которая вот сейчас пишется (никогда не знаю, допишется ли), уже где-то очень точно и полностью написана. А я только восстановливаю. Отсюда эта постоянная настороженность: так ли? не уклоняюсь ли? не дозволяю ли себе – своееволия? Верно услышать – вот моя забота. У меня нет другой* [19, т. 5, с. 285].

На звуковую природу стиха М. Цветаевой указывали многие современники и исследователи ее творчества. Как отмечает Ю. Иваск, «всё же она была дочерью своего века. Как и для многих её современников, футуристов ли, акмеистов ли, слово было для неё реальностью самоценной. Цветаеву вдохновляли слова-звуки» [14, с. 111]. М.Л. Гаспаров пишет: «Словом поверяется тема: зозвучность слов становится ручательством истинного соотношения вещей и понятий в мире, как он был задуман Богом и искажен человеком» [16, с. 149].

Эпитетация звука рассматривается на материале объектов эпитетации *звук и звон*. По данным словаря поэтического языка М. Цветаевой, лексема *звук* употреблена в поэзии 81 раз, *звук* – 53 раза, *звонок* – 13 раз [20, т. 2, с. 213-216]. В прозе слова с корнем *звук* встречаются 140 раз, *звук* употреблено 217 раз, *звонок* – 17. Эпитет *звонкий* в поэзии имеет частотность употребления – 23 [20, т. 2, с. 214-215], единичны эпитеты *звонко, звонный, звонкоголосый* [20, т. 2, с. 215]; *звукный* также имеет низкую частотность – 1 [20, т. 2, с. 217], в то время как употребляются и причастия *звукавший, звучащий*. *Звон* входит в 42 эпитетных комплекса в текстах поэта, тогда как *звук* в 38.

Направления эпитетации звука / звона следующие.

1. Антропоморфная эпитетация состоит в метафоризации звука на основе ассоциативной связи признаков человека и звука или предмета, его издающего, например, грома: *Червонные возлецут купола, // Бессонные взгримят колокола...* [19, т. 1, с. 269].

Локализация звука связывается с телесным, соматическим кодом: *А первые в битве бьются – // Сердца. До ушного звона!* [19, т. 3, с. 176].

Особое место в творчестве М. Цветаевой занимает образ колоколов, проанализированный в различных работах, в частности, в статье Н.М. Нуриевой: «Колокольный звон как символ в первую очередь отражает в себе аполлоническую духовно-космическую энергию... С другой стороны, с точки

зрения дионисийской сути колокольного звона, это одновременно символ тревоги, опасности, звон колокола оповещал о похоронах, нападениях, бурях» [15, с. 83]. Подробная «типология» колокольного звона дана в поэзии: это звон *жидкий, пасхальный, постный, церковный* и др. Регулярность переноса признака с восприятия человеком звуком на сам звук проявляется в наличии эпитета *ликий* (звон): *А дальше звон // Такой ликий* [19, т. 2, с. 78].

2. Цветовая и вещественная эпитетация построена на ассоциации звука с серебром. Создание стихов ассоциируется у поэтессы с пением, и оно описывается как серебряное, этим выделяется аспект звучания: *Серебряный клич – звонок. // Серебряно мне – петь! // Мой выкормыш! Лебеденок! // Хорошо ли тебе лететь?* [19, т. 1, с. 255]; золотой и серебряный звон: *Льдины, льдины // И купола. // Звон золотой, // Серебряный звон* [19, т. 1, с. 264]. Серебряный звон воды встречается и в прозе поэта: *Зачем эти цветы, эти благоухания, эти очарования вечера, этот серебряный звон воды, ниспадающей в водоем, раз мужчина и женщина – враги?* [19, т. 5, с. 568].

3. Пространственная и темпоральная признаковые метафоры объединены в один тип в связи с общей схемой ассоциирования признаков звука и места, интенсивности (в переносном значении) его распространения или времени, имеющем символическое значение: *Где звон вечерний сердцу сладок* [19, т. 1, с. 14], *Вон! Утренний закон: Звон* [19, т. 3, с. 309], *Ни тонкий звон венецианских бус* [19, т. 1, с. 306], *Весенний звон с далеких колоколен* [19, т. 1, с. 144]; *Лазурь! Лазурь! Пустынная до звона!* [19, т. 2, с. 51].

Специфика эпитетации заключается в необходимости уточнить признак, поэтому наблюдается несколько признаков, принадлежащих различным доменам, сближаемых в рамках одного эпитетного комплекса.

Метонимическая мотивация прослеживается при характеристике звона: *А дальше звон // Такой ликий* [19, т. 2, с. 78].

При чтении стихов возникает особая мелодичность, при которой, по мнению В.А. Масловой, «...взаимодействуют звучание и смысл, создавая особую, напевную лирику» [14, с. 68].

Особое место занимает эпитет *первый* как символ настоящего, истинного смысла: *Семь холмов – как семь колоколов, // На семи холмах – колокольни. // Всех счетом – сорок сороков. // Колокольное семихолмие! // В колокольный я, во червонный день // Иоанна родилась Богослова // ... // И любила же, любила же я первый звон – // Как монашки потекут к обедне...* [19, т. 1, с. 272].

Звук осмысляется как некая пятая стихия: *Пятый воздух – звук* [19, т. 3, с. 142]. Предикативное употребление эпитета отражает неожиданность ассоциирования реалий.

В единичном контексте находим отождествление звука с ничто, с пустотой для говорящего: *Игры – призрак, и радость – звук* [19, т. 3, с. 590].

Эпитет *звуккий* распространяется на такие сущности, как: предметы, артефакты (дорога, кувшин, монета, рояль, чаша, бассейн), антропоморфные понятия (сердце, молвь, голос, смех, шаг, песня, рифма, слова), стихии (ветер, прибой); эпитет *звуковой* же употреблен в поэзии единично, однако

представляет собой окказионализм, построенный на продолжении звуковой ассоциации мха и меха (о словах): *В мхах, в звуковом меху* [19, т. 2, с. 250].

В прозе М. Цветаевой эпитет звонкий употреблен 13 раз. Мотивация эпитетации здесь намного ситуативнее, приближена к речевой метонимии: *На лестнице – винтовой и звонкой – стало страшно: Рёвер гонится!* [19, т. 4, с. 545] (видимо, звонкой от шагов; ср. звонкий вокзал, улицы, вестибюль в других ее текстах).

Звуковая эпитетация в текстах М. Цветаевой как процесс наделения звуковым признаком иных реалий не отличается частотностью (201 эпитетный комплекс, зафиксированный во всех типах текстов поэта).

Признаки *громкий / тихий* и промежуточные признаки (например, *неспышины*) становятся источниками метафоризации в том случае, если они наводят признак на те объекты-цели, которым явно несвойственен данный признак. Если он распространяется на объекты эпитетации, связанные со звуком или речью, голосом (*тишина, шепот, голос, гром*), то закономерными метафорическими ассоциациями выступают те, которые либо развиваются данный признак до предела (*самый громкий или самый тихий*) или выражают антонимичное с определяемым объектом признаковое значение (*громкая тишина*). Приведем некоторые примеры.

Эпитетный комплекс с признаком *громкий*: *с прахом громким; громким шепотом; громкая тишина; громкое сердце; в громких платьицах; радость громче громов.*

Эпитетный комплекс с признаком *звонкий*: *звонкий край, звонкий ветер, звонкий шаг; два слова звонкие, как шпоры.*

Эпитетный комплекс с признаком *тихий*: *голубиный рокот тихий, голос тих, тишина просьба уст.*

Эпитетный комплекс с признаком *неспышины*: *Как лето / Неспышино приведет к зиме* [19, т. 3, с. 521].

В приведенных выше контекстах содержатся и такие сферы-цели метафорической эпитетации, которые не связаны со звуковым признаком: *лето, радость, сердце*. На основе распространения данного признака на объекты из других концептуальных областей происходит яркая метафоризация, основанная на впечатлении родства степени проявления чувства (*громкое сердце*) или скорости протекания времени года (*лето неспышино приведет к зиме*) звуковому восприятию. Метафоричным выступает эпитетный комплекс с компаративом *два слова звонкие, как шпоры*; у поэта возникают ассоциативные связи между слуховым признаком *звонкий*, локализованным в речи, и основанном на личном опыте восприятия звонкого звука от шпор. Именно личные ассоциации звучания с тем или иным предметом или событием составляют основу блендируванного ментального пространства звуковой метафоры.

Заключение

Подведем некоторые итоги. Как показало проведенное исследование, эпитетация, рассматриваемая в когнитивном отношении как процесс взаимодействия и наложения друг на друга признаков из различных ментальных пространств объекта эпитетации и признакового элемента

эпитетного комплекса, занимает огромное место в структурировании реальности. Концептуальная близость доменов приводит к формированию метонимического типа эпитета, тогда как дистанция между ними – к метафорическому типу эпитета.

В текстах М. Цветаевой находим оба типа эпитетации: для признаковой концептуализации звука более распространен метафорический механизм смыслообразования с опорой на антропоморфный, цветовой и локально-временальный коды. Звуковое восприятие мира было потребностью поэта, иногда оно оказывалось важнее верbalного. Данный факт объясняет частотность эпитетации звука и разнонаправленность ее метафорического наполнения.

Перспективным представляется дальнейшее изучение когнитивного характера эпитетации на материале других идиостилей, в сравнительно-сопоставительном аспекте, а также в лексикографической практике при составлении авторских словарей, словарей эпитетов.

© Губанов С.А., 2025

Список источников

1. Булахова Н.П., Сквородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристики) // Экология языка и коммуникативная практика. – 2017. – № 2 (9). – С. 122-143.
2. Грязнова В.М., Губанов С.А. Гиперконцепт качества как механизм верbalного представления эпитетной парадигмы в творчестве М. Цветаевой // Гуманитарные и юридические исследования. – 2023. – Т. 10. – № 2. – С. 337–342. doi:10.37493/2409-1030.2023.2.1.
3. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 366 с.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1990. – 896 с.
6. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
7. Будаев Э.В. Когнитивная метафора в ракурсе теории концептуальной интеграции // Культура и текст. – 2016. – № 4. – С. 6-13.
8. Fauconnier G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. – Cambridge University Press, 1994. – 190 p.
9. Sweetser E. Blended spaces and performativity // Cognitive linguistics. – 2000. – Vol. 11. – № 3/4. – P. 305-333.
10. Виноградова С.А. Пластиность семантики признаковых слов // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2021. – № 4 (71). – С. 30-38. doi: 10.26456/vtfilol/2021.4.030.
11. Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. – 264 с.
12. Ревзина О.Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. – Т. I. – С. 5-40.
13. Акбашева А.С., Радь Э.А. «Миро-слушанье» Марины Цветаевой: «триединство звука, слова, смысла» // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 51. – С. 84-95. doi: 10.17223/19986645/51/8

14. Иваск Ю. Благородная Цветаева // Цветаева М. Лебединый стан. Стихи 1917–1921 гг. – Мюнхен, 1957. – С. 59-62.
15. Бродский И. О Марине Цветаевой. Поэт и проза. Об одном стихотворении // Русская литература. – 1991. – № 2. – С. 151-180.
16. Гаспаров М.Л. Марина Цветаева: от поэтики быта к поэтике слова // М.Л. Гаспаров. О русской поэзии: Анализы. Интерпретации. Характеристики. – СПб.: Азбука, 2001. – С. 136-149.
17. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с.
18. Нуриева Н.М. Символика колокольного звона в цикле М. Цветаевой «Стихи о Москве» // Художественный текст: проблемы чтения и понимания в современном обществе. – Уфа, 2020. – С. 83-85.
19. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Эллис-Лак, 1994-1995. – Т. 4-7.
20. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой. – Т. 2, 1998. – 552 с.

References

1. Bulakhova N.P., Skovorodnikov A.P. K opredeleniyu ponyatiya epitet (predugotovlenie k funktsional'noy kharakteristike) [Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic)]. Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika [Ecology of Language and Communicative Practice]. 2017. – No. 2 (9). – Pp. 122-143.
2. Gryaznova V.M., Gubanov S.A. Giperkontsept kachestvo kak mekhanizm verbal'nogo predstavleniya epitetnoy paradigm v tvorchestve M. Tsvetaevoy [Hyperconcept quality as a mechanism of verbal representation of epithetic paradigm in M. Tsvetaeva's works] Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya [Humanities and Legal Studies], 2023. – Vol. 10. – No. 2. – Pp. 337-342. – DOI: 10.37493/2409-1030.2023.2.1.
3. Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka [Lexical Semantics: Synonymic Means of Language]. – Moscow, Flinta, Nauka Publishing House, 1974. – 366 p.
4. Arutyunova N.D. Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt [Types of Language Meanings: Evaluation. Event. Fact]. – Moscow, Nauka Publishing House, 1988. – 338 p.
5. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka [Language and the world of man]. – Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publishing House, 1990. – 896 p.
6. Shmelev A. D. Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost [Russian language and extralinguistic reality]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publishing House, 2002. – 496 p.
7. Budaev E.V. Kognitivnaya metafora v rakurse teorii kontseptual'noy integratsii [Cognitive metaphor in the framework of the conceptual integration theory]. Kul'tura i tekst [Culture and text], 2016. – No. 4. – Pp. 6-13.
8. Fauconnier, G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. – Cambridge University Press, 1994. – 190 p.
9. Sweetser E. Blended spaces and performativity. Cognitive linguistics, 2000. – Vol. 11. – No. 3/4. – Pp. 305-333.
10. Vinogradova S.A. Plastichnost' semantiki priznakovykh slov [Plasticity of semantics of predicate words]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya» [Herald of Tver State University Series: Philology], 2021. – No. 4 (71). – Pp. 30-38. – DOI: 10.26456/vtfilol/2021.4.030.
11. Zubova L.V. Poeziya Mariny Tsvetaevoy: Lingvisticheskiy aspekt [Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistic Aspect]. – Leningrad, Leningrad State University Publishing House, 1989. – 264 p.
12. Revzina O.G. Slovar' poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaevoy [Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva]. Slovar' poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaevoy

[Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva]. In 4 vols. – Moscow, Dom-muzei Mariny Tsvetaevi Publishing House, 1996. – Vol. 1. – Pp. 5-40.

13. 13. Akbasheva A. S. Radd, E. A. «Miro-slushan'e» Mariny Tsvetaevoy: «triedinstvo zvuka, slova, smysla» [World comprehension by Marina Tsvetaeva: "the triunity of sound, word and sense"]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology], 2018. – No. 51. – Pp. 84-95. – DOI: 10.17223/19986645/51/8

14. Ivask Yu. Blagorodnaya Tsvetaeva [The Noble Tsvetaeva]; Tsvetaeva, M. Lebedinyy stan. Stikhi 1917-1921 gg. [The Swan Demesne. Verses of 1917–1921]. – Munich, 1957.

15. Brodskiy I. O Marine Tsvetaevoy. Poet i proza. Ob odnom stikhovorenii [About Marina Tsvetaeva. Poet and prose. About one poem]. Russkaya literature [Russian literature], 1991. – No 12. – Pp. 151-180.

16. Gasparov M.L. Marina Tsvetaeva: ot poetiki byta k poetike slova [Marina Tsvetaeva: from the poetics of everyday life to the poetics of the word]; Gasparov M.L. O russkoy poezii: Analizy. Interpretatsii. Kharakteristiki [On Russian poetry: Analyses. Interpretations. Characteristics]. – St. Petersburg: Azbuka, 2001. – Pp. 136-149.

17. Maslova V.A. Poet i kul'tura: kontseptosfera Mariny Tsvetaevoy: ucheb. Posobie [Poet and Culture: Marina Tsvetaeva's Concept Sphere: Textbook. Manual]. – Moscow: Flinta, Nauka Publishing House, 2004. – 256 p.

18. Nurieva N.M. Simvolika kolokol'nogo zvona v tsikle M. Tsvetaevoy «Stikhi o Moskve» [Symbolism of Bell Ringing in M. Tsvetaeva's Cycle "Poems about Moscow"]. Khudozhestvennyy tekst: problemy chteniya i ponimaniya v sovremennom obshchestve [Fiction Text: Problems of Reading and Understanding in Modern Society]. – Ufa, 2020. – Pp. 83-85.

19. Tsvetaeva M.I. Sobranie sochineniy [Collected works]. In 7 vols. – Moscow, Ellis-Lak Publishing House, 1994-1995.

20. Slovar' poeticheskogo yazyka Mariny Tsvetaevoy [Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva]. In 4 vols. Moscow, Dom-muzei Mariny Tsvetaevi Publishing House. – Vol. 2, 1998. – 552 p.

**Губанов
Сергей Анатольевич**

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Самара, Россия
gubanov5@rambler.ru

**Gubanov
Sergey Anatolyevich**

doctor of Philology, associate professor, professor of the Department of philosophy, Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russia
gubanov5@rambler.ru